

Как и следовало ожидать, они снова опоздали.

Мин И уже держал наготове плетъ. Провожая насмешливым взглядом поднимающихся по тропе учеников, он негромко произнес:

— Подойдите для наказания.

Цзян Сяочжоу послушно шагнул вперед, протягивая на этот раз левую ладонь.

— Вчерашняя рука все еще опухла, — повинился он. — На этот раз бейте по левой.

— Какая похвальная сознательность, — хмыкнул Мин И, перехватив его за кончики пальцев. — Готов терпеть удары по ладоням, лишь бы подниматься сюда вместе с ним?

Сяочжоу лихорадочно соображал, что делать завтра, когда распухнут обе руки. Услышав вопрос, он лишь тихонько буркнул под нос:

— Да просто у кого-то наклонности садистские.

Мин И сощурился. Воздух со свистом рассекла плетъ — раздался резкий хлопок.

После десяти ударов он бережно нанес мазь на горящую ладонь мальчика и, склонившись к самому его уху, вкрадчиво прошептал:

— Если завтра у тебя откажут обе руки, придется пороть по мягкому месту.

Цзян Сяочжоу поспешно отпрянул, инстинктивно прижав ладони к ягодицам, и уставился на наставника в неподдельном ужасе.

Весь день, пока длилась тренировка, Чжоу Ци привычно неподвижно стоял в стороне, напоминая каменное изваяние. Однако на этот раз он ловил каждое слово Мин И, жадно впитывая наставления.

Едва Мин И объявил, что занятия на сегодня окончены, Сяочжоу схватил Чжоу Ци за рукав и вихрем увлек за собой вниз по склону.

Ему во что бы то ни стало нужно было помочь младшему брату пробудить духовное восприятие. Тогда Чжоу Ци сможет наконец начать полноценные тренировки, они станут подниматься на Террасу Обсуждения Меча вовремя, и угроза остаться без мягкого места исчезнет навсегда.

Когда мальчишки скрылись из виду, Мин И еще какое-то время молча стоял на Террасе Обсуждения Меча.

— Благодарю за труды, старейшина Мин И, — раздался за его спиной спокойный голос. Из тени деревьев вышел Цзян Чангэ.

— У Сяочжоу... удивительно чистая душа, — задумчиво протянул Мин И.

Цзян Чангэ невольно тепло улыбнулся — любому родителю лестно слышать похвалу в адрес своего ребенка.

— И все же, — продолжил Мин И, покосившись на него, — я наказываю его довольно сурово. Неужели отцовское сердце не болит?

Цзян Чангэ негромко вздохнул:

— Болит, конечно. Но я знаю, что у каждого вашего действия есть глубокий смысл. Мне бы хотелось, чтобы он рос в мире и покое, чтобы жизнь его текла гладко и безмятежно. Однако путь совершенствования полон скрытых течений, и мир этот жесток. Если Сяочжоу не закалит характер и не станет сильным, этот хищный водоворот рано или поздно поглотит его. Поэтому я желаю ему прежде всего внутренней мощи — силы, способной защитить его самого. Сколько дней безоблачного счастья отпущено смертному? Я не грежу о том, чтобы мой сын стал величайшим мастером поднебесной. Пусть просто живет... в безопасности. Секта Меча Лянъи в этом бескрайнем мире — лишь песчинка. Рано или поздно нашего покровительства окажется недостаточно.

— Глава секты, вы излишне скромны, — тихо заметил Мин И.

Цзян Чангэ лишь покачал головой. В его глазах затаилась застарелая печаль. Сложно было представить, какие заботы могут столь тяжким бременем лежать на плечах великого мастера стадии Зарождения Души, главы могущественной секты.

— Вскоре я отправлюсь в странствие на целый год. Когда вернусь, Чжоу Ци официально станет моим личным учеником, — Цзян Чангэ сложил ладони и совершил глубокий, почтительный поклон перед Мин И. — В мое отсутствие прошу вас присмотреть за Сектой Меча Лянъи.

Узнав, что отец снова уходит на испытания, Цзян Сяочжоу лишь обреченно вздохнул. Впрочем, грустил он недолго — вскоре он уже вовсю возился с Чжоу Ци. В конце концов, Цзян Чангэ либо находился в странствии, либо собирался в него. К этому стоило привыкнуть.

Год пролетел незаметно. Помогая Чжоу Ци развивать духовное зрение и разум, Сяочжоу

поражался его способностям. Мальчик хватал всё на лету, впитывая знания словно губка. Ему потребовалось всего три месяца, чтобы освоить программу, на которую у самого Сяочжоу ушло два года. Более того, за этот год Чжоу Ци умудрился постичь суть «Сутры Духовного Сердца», пробиться сквозь барьер и достичь стадии Возведения Основания, сравнявшись с результатом Сяочжоу.

«Подумаешь, мутировавший золотой корень! Тоже мне, гений!»

Хоть Сяочжоу и привык плыть по течению, не обременяя себя лишними заботами, уязвленное самолюбие все же давало о себе знать. Вслух он ничего не говорил, но втайне скрежетал зубами и волей-неволей стал уделять медитациям гораздо больше времени. Ему не хотелось уступить сопернику совсем уж позорно.

К моменту возвращения Цзян Чангэ духовный ранг Чжоу Ци взлетел до стадии Просветления, открывая перед ним новые грани понимания мира. Сяочжоу не мог похвастаться столь стремительным ростом общего уровня, однако его мастерство во владении «Сутрой Духовного Сердца» и техникой «Шага по Облакам» достигло совершенства. Обладая редким сочетанием духовных корней Воды и Огня, он под руководством Мин И освоил искусство «Пламени Сердца Лотоса». Этот метод позволял закалять чистейший истинный огонь, способный на пике своего могущества выжигать духовную силу прямо из каналов противника.

Сменились времена года, и оба мальчика заметно вытянулись. Чжоу Ци теперь было не узнать: от бывшего забитого сироты не осталось и следа. Осознание собственных выдающихся способностей и стремительный прогресс в учебе подарили ему внутреннюю уверенность.

Наконец, глава секты вернулся в родные стены. В этот день Секта Меча Лянъи устроила пышный пир в его честь. Все с нетерпением ожидали появления мастера. Четверо старейшин восседали за столами с чинными и суровыми лицами, и лишь Мин И, вальяжно откинувшись на спинку кресла, лениво прихлебывал вино из чарки.

Сяочжоу нетерпеливо топтался у входа, то и дело выглядывая наружу. В прошлой жизни он был лишен родительской заботы, поэтому теперь всей душой тянулся к Цзян Чангэ, чью искреннюю, глубокую любовь ценил превыше всего.

— А отец точно говорил, когда именно прибудет? — не выдержав ожидания, Сяочжоу обернулся к Мин И.

Досадно, но точное время прибытия Цзян Чангэ сообщил одному лишь Мин И. Хоть тот и держался в стороне от управления сектой, его авторитет и положение среди старейшин оставались непререкаемыми.

— Подойди поближе, сядь со мной рядом — скажу, — Мин И хитро прищурился и улыбнулся.

Сяочжоу окинул его настороженным взглядом:

— Пожалуй, я лучше еще у двери постою.

Едва он договорил, как воздух вокруг задрожал от мощного прилива духовной энергии. Мальчик просиял от радости.

— Отец идет! — радостно воскликнул он. — Погодите-ка... Кажется, он не один.

Четверо старейшин поднялись со своих мест. Обладая высоким уровнем культивации, они мгновенно почуяли приближение постороннего и безошибочно определили, что гость — женщина. Их взгляды украдкой скрестились на фигуре Сяочжоу.

В этот момент в зал вошел Цзян Чангэ, бережно держа за руку незнакомую женщину-совершенствующуюся.

— Отец! — Сяочжоу бросился навстречу. — Наконец-то ты дома!

Цзян Чангэ ласково взъерошил ему волосы.

— Да, я вернулся. Как ты тут без меня, Сяочжоу? Не ленился на тренировках?

— Ну конечно! Я уже на поздней ступени Возведения Основания, еще немного — и достигну Просветления! — с гордостью отрапортовал мальчик, скромно умолчав о том, что Чжоу Ци этот рубеж уже перешагнул. Затем он с любопытством перевел взгляд на спутницу отца. — Папа, а кто эта почтенная госпожа?

Цзян Чангэ заметно напрягся. В его поведении сквозило редкое для него волнение.

— Это... фея Лэчи из Секты Повелителей Зверей, мастер на поздней стадии Золотого Ядра. Мы встретились во время моих странствий, и она... многократно оказывала мне поддержку.

«Каким образом мастер Золотого Ядра мог опекать великого воина Зарождения Души? — скептически размышлял Сяочжоу. — Да отец просто светится от счастья. Похоже, у него началась вторая молодость»

Вот только Секта Повелителей Зверей... Разве не с ними в будущем должен был заключить брачный союз главный герой романа?

— Можешь звать ее госпожой Лэчи, — неловко кашлянул Цзян Чангэ.

— Рад приветствовать вас, госпожа Лэчи, — почтительно поклонился Сяочжоу.

Женщина с теплой улыбкой помогла ему подняться. Совершенствующиеся не старели, поэтому определить ее истинный возраст было невозможно. У нее были изящные, словно прорисованные тушью брови, темные блестящие глаза и тонкое благородное лицо с точеным подбородком. Ее изящную лебединую шею окутывал едва уловимый аромат цветущей сливы. Она была по-настоящему прекрасна.

Из своего пространственного кольца фея Лэчи достала крупное белоснежное яйцо и протянула Сяочжоу.

— Это яйцо духовного волка-альбиноса. Едва вылупившись, он уже будет обладать силой, равной стадии Слияния у людей, и станет преданным защитником. Прими этот скромный дар, а позже я подберу для тебя что-нибудь более ценное.

Сяочжоу растерянно обнял огромное, почти в половину его роста яйцо. Секта Повелителей Зверей славилась умением приручать и выращивать боевых питомцев, и большинство их техник строилось на взаимодействии с дикими тварями. Зверь, скрытый в скорлупе, принадлежал к породе Золотистых Белых Волков — невероятно редких и баснословно дорогих хищников, чей ранг рос вместе с хозяином. Подобный щедрый жест застал Сяочжоу врасплох.

— Спасибо... Но это слишком дорогой подарок.

Фея Лэчи присела перед ним и заговорщически улыбнулась:

— Бери-бери, ты заслужил. Мы с твоим отцом уже разделили ложе и связали наши судьбы, так что отныне можешь считать меня своей матушкой.

— Лэчи! Ну зачем же так прямо... — Цзян Чангэ густо покраснел и испуганно замахал руками.

Сяочжоу попятился, во все глаза уставившись на новоявленную родственницу. Он густо покраснел, растерянно замигал, не зная, куда себя деть от такой откровенности.

— А... да... хорошо, — выдавил он наконец.

Лэчи ласково притянула его к себе и обняла:

— Ну, не смущайся. Наш Сяочжоу ведь умный мальчик, сам все понимает...

Да ничего он не понимал! В прошлой жизни его привлекали мужчины, но из-за природной скромности и нерешительности он так ни с кем и не сошелся, умерев девственником. Сяочжоу неловко отвел взгляд, замерев в объятиях женщины и не смея пошевелиться.

Остальные присутствующие тоже безмолвно переваривали услышанное. Да уж, спутница их

главы оказалась особой весьма... незаурядной.

Вскоре после прибытия феи Лэчи Цзян Чангэ официально объявил о принятии Чжоу Ци в личные ученики. Торжественный обряд вступления в ученичество решили объединить со свадьбой главы секты, так что Секта Меча Лянъи на несколько недель погрузилась в шумное празднование.

Обычно вечно пропадавший в странствиях Цзян Чангэ на этот раз твердо решил остаться в секте. Чтобы обеспечить Сяочжоу и Чжоу Ци наилучшие условия для тренировок, он переселил мальчиков в уединенную обитель на заднем склоне горы. Теперь они занимались под его личным присмотром, соблюдая строгий распорядок дня наравне с другими старшими учениками. Кроме того, им предстояло регулярно посещать лекции четырех старейшин, проходившие как на переднем, так и на заднем пиках.

В тот год Сяочжоу исполнилось шесть лет, и отец наконец-то начал обучать его основам боевого искусства — своду меча «Духовного Сердца».

К началу следующей весны стало известно, что госпожа Лэчи ждет ребенка.

Сяочжоу в это время прилежно тренировался во дворе своего жилища, пытаясь совладать с «Пламенем Сердца Лотоса». Деваться было некуда: Мин И грозился устроить строгую проверку, а в случае неудачи — безжалостно высечь.

В горах все еще лежал снег, и весенний воздух обжигал холодом. Мальчик устроился на узорчатой циновке, помогавшей сосредоточиться и очистить разум от посторонних мыслей. Вокруг него мерцали контуры начертанной формации Сбора Духов: плотные потоки первозданной энергии непрерывно проникали в его меридианы и кости, очищались жаром «Сутры Духовного Сердца» и питали его внутреннее основание.

В глубине души крепло предчувствие скорого прорыва. Направив поток энергии по каналам и сплетя пальцы в замысловатую печать, он заставил вспыхнуть на своей ладони яркий оранжево-красный цветок пламени. Этот жест он повторял изо дня в день тысячи раз, добиваясь того, чтобы пламя рождалось мгновенно и обладало максимальной разрушительной силой.

Но в последнее время он чувствовал, что уперся в невидимую стену — развитие словно замерло на месте.

Его размышления прервал один из учеников секты, вбежавший во двор:

— Старший брат, вас просит прийти супруга главы секты.

Сяочжоу озадаченно погасил огонь. С тех пор как госпожа Лэчи забеременела, она частенько звала его к себе. Никаких важных дел у нее не было — обычно они просто болтали о пустяках. Впрочем, мачеха действительно относилась к нему с исключительной теплотой. Каким бы любящим ни был отец, мужскому вниманию всегда не хватало чуткости, в то время как Лэчи замечала любую мелочь. Даже ту самую чудесную циновку, облегчающую медитацию, подарила ему именно она.

— Матушка Лэчи, я пришел, — позвал Сяочжоу, остановившись у порога ее покоев.

Дверь тут же распахнулась. Беременность лишь подчеркнула мягкую красоту женщины, придав ее облику особое очарование. Сила ее ауры по-прежнему оставалась непостижимо мощной — казалось, она даже близка к переходу на новый уровень развития. Одолеть сотню таких, как Сяочжоу, для нее не составило бы ни малейшего труда.

— Заходи скорее, я приготовила для тебя плоды летящего феникса, — приветливо отозвалась она.

Сяочжоу без лишних церемоний уселся за стол. За прошедший год они успели искренне привязаться друг к другу. Поначалу мальчик робел, не зная, как вести себя со стереотипной мачехой, однако характер Лэчи оказался весьма далеким от его опасений. Со временем их общение стало легким и доверительным.

— И зачем вы так часто зовете меня к себе? — любопытствовал Сяочжоу, отправляя в рот сочный фрукт.

Лэчи ласково сощурилась, разглядывая его лицо:

— Слышала я, что если во время беременности часто смотреть на красивых людей, то и дитя родится невероятно пригожим.

— Тогда вам лучше почаще смотреть на Мин И, — рассмеялся мальчик. — На мой взгляд, краше него в нашей секте никого нет. Ну или на Чжоу Ци, он тоже смазлив.

Лэчи весело рассмеялась:

— Ох, прослышит Мин И, что ты зовешь его красавцем, — точно найдет повод выпороть. А что до Чжоу Ци... Нет уж, уволь. С этим волчонком мне дела иметь не хочется.

— Да нормальный он, — пробурчал Сяочжоу. — А насчет Мин И... Все равно мое пламя никак не поддается, так что порки мне не избежать. Семь бед — один ответ, могу хоть напоследок высказать ему все, что думаю.

Конечно, он храбрился лишь на словах — всерьез перечить грозному наставнику он бы ни за что не осмелился.

Они поболтали еще немного, после чего Сяочжоу поинтересовался:

— Матушка, а то белое яйцо, что вы мне подарили... На нем ни единой трещинки. Когда же из него вылупится волчонок?

— У Золотистых Белых Волков этот период длится очень долго. Потребуется не меньше десяти лет, — спокойно пояснила Лэчи, лакомясь сладкой мякотью плода. — Ты разговаривай с ним почаще, чтобы он привык к твоему голосу и полюбил тебя еще до рождения.

— Десять лет... — уныло протянул Сяочжоу. Этот срок казался ему целой вечностью.

Лэчи лишь загадочно улыбнулась в ответ, ничего не сказав.

<http://bllate.org/book/20178/2130722>